

Хотя Александр Людвигович Штиглиц придерживался лютеранской веры, для рабочих Нарвской мануфактуры он построил православный храм, ставший местом упокоения жены Штиглица и его самого

следующий факт. В 1859 году Штиглиц заказывает автору проекта Петергофского вокзала Кракау постройку особняка на Английской набережной. Дом, похожий на итальянское палаццо эпохи Возрождения, был достроен в 1862 году. Строительство обошлось в огромную сумму — 3,5 млн руб.

Финансовый гений

Удалиться от дел Штиглицу не удалось. Он получил предложение — стать управляющим впервые создаваемого в России Государственного банка. Первоначально Штиглиц отказался, но министр финансов Александр Княжевич лично уговорил прославленного банкира. Товарищем (заместителем) управляющего был назначен ведущий российский экономист того времени Евгений Ламанский.

Чтобы занять высокий пост, Александр Штиглиц должен был ликвидировать свои частные дела, в том числе закрыть носивший его имя банкирский дом (процедура ликвидации была доверена Константину Фелейзену и Карлу Фоссу). Образовавшийся капитал давал ему возможность жить на годовую ренту в 3 млн руб.

За время пребывания на посту управляющего Государственным банком Штиглиц подтвердил свою репутацию великого финансиста. Когда в 1862 году в России был разработан план введения золотого стандарта (свободного обмена кредитных билетов на серебряную и золотую монету), Штиглиц сумел осуществить заем на 15 млн у парижских и французских Ротшильдов. Из-за восстания в Польше в 1863 году переход на золотой стандарт не был осуществлен.

В 1864 году был выпущен первый в российской истории выигрышный заем на 100 млн руб. с доходностью 5% годовых и сроком обращения 60 лет. Два раза разыгрывались по 300 денежных призов на общую сумму 600 тыс. руб. Облигации займа были столь популярны, что в 1866 году был выпущен еще один пятипроцентный выигрышный заем на сумму 100 млн руб.

При непосредственном участии Штиглица были осуществлены два очень удачных (по отзывам министра финансов Княжевича) англо-голландских займов: в 1864 году на 47,9 млн гульденов и £1,9 млн и в 1866 году на 31,4 млн гульденов и £33 млн.

Штиглиц был произведен в тайные советники, награжден орденом Святой Анны 1-й степени с императорской короной. В конце 1866 года он вышел в отставку.

ИНТЕРПРЕСС / PHOTOXPRESS.RU

Последняя воля

Барон Александр Людвигович Штиглиц скончался 24 октября (5 ноября) 1884 года. Согласно завещанию, его прах был захоронен в семейном склепе в церкви Живоначальной Троицы.

Его состояние на момент смерти, по разным оценкам, составляло не менее 38 млн руб., а возможно — 100–150 млн руб. По обменному курсу того времени — от 3,8 млн до 15 млн, что с учетом покупательной способности примерно соответствует современным 0,5–1,9 млрд.

У барона не было прямого наследника. Единственный ребенок Александра и Каролины Штиглиц, сын Людвиг, родился в 1842 году и умер в младенчестве. В 1844 году супружеская пара удочерила девочку, якобы найденную в кустах сирени на даче. По слухам, это была дочь великого князя Михаила Павловича, младшего брата императора Николая I от некоей фрейлины. Девочку назвали Надеждой Михайловной Ююновой (имя и отчество были якобы написаны на записке, подброшенной вместе с младенцем, а фамилией обязана тем, что в семье Штиглиц девочка попала в июне). В 17-летнем возрасте Надежда стала женой мелкого чиновника — титулярного советника Половцова.

Главной наследницей Штиглица стала именно Надежда Михайловна Половцова и ее дети. Надежде Михайловне были завещаны два особняка в Санкт-Петербурге (современные адреса — Галерная ул., 69–71 и набережная Адмиралтейского канала, 29), паи Товарищества Нарвской сукон-

ной мануфактуры, Екатеринбургской бумагопрядильной мануфактуры и Московского купеческого банка, акции Невской бумагопрядильной компании и Общества петербургского водопровода, акции и облигации Главного общества российских железных дорог. Ее старшему сыну Александру был завещан дом на Каменном острове, имение Фоминки во Владимирской губернии и 200 тыс. руб. Второй сын, Петр, получил по наследству билеты внутреннего выигрышного займа, дочери Анна и Надежда — по 100 тыс. руб.

Крупные суммы унаследовали две племянницы и племянник (дети сестры Наталии Гардер): Эмилия-Наталия Пистолькорс — 7,3 млн руб., баронесса Наталия-Каролина Иксуль — 4,2 млн руб., Людвиг Вильгельм Гардер — 1 млн руб. Внук сестры Александр получил 2 млн руб.

Дети двоюродных братьев Николая, Адольфа и Бориса (четыре человека) и двоюродная сестра получили по 300 тыс. руб., несколько человек чуть более дальней степени родства — по 200 тыс. Длинным получился список совсем дальних родственников, друзей и сотрудников, получивших по 100 тыс. руб. Н. М. Яковенко в придачу к ста тысячам унаследовал также всех лошадей Штиглица со сбруями, вино, платье, белье и сигары.

Более 40 тыс. руб. было завещано 20 слугам — конюхам, швейцарам, садовникам, камердинерам, лакеям, поварам. 30 тыс. — тем, кто служил под началом Александра Штиглица в Госбанке. Трех артельщикам свое-

Мраморная статуя А. Л. Штиглица работы Марка Антокольского, установленная в здании художественной академии, в советское время была убрана с глаз подальше и вернулась на свое законное место только в 2011 году

го банкирского дома — более 11 тыс. руб., остальным 37 работникам — по 500 руб.

Свыше 70 тыс. руб. было передано Коммерческому училищу для бедных при лютеранской церкви Святых Петра и Павла, Глазной лечебнице на Моховой, Елизаветинской больнице, Ремесленному училищу цесаревича Николая, Обществу помощи при кораблекрушениях и Петербургскому биржевому комитету. 100 тыс. — в неприкосновенный капитал детского приюта имени Л. Штиглица.

Все оставшиеся после выполнения упомянутых в завещании распоряжений средства были завещаны Петербургскому училищу технического рисования имени А. Л. Штиглица.

Доставшуюся Надежде Половцовой часть состояния смог значительно уменьшить ее муж. Вот что писал в своих воспоминаниях Сергей Витте: «Половцев сделался очень богатым человеком, так как он владел, или, по крайней мере, распоряжался всем состоянием своей жены... Штиглиц оставил после себя наследство в 50 млн рублей различными государственными бумагами. Так как после смерти Штиглица произошла восточная война, которая значительно понизила курс наших денег, то эти 50 млн рублей, если бы они сохранились, равнялись бы по крайней мере, 70–80 миллионам рублей. А так как все эти бумаги приносили 5%, то, следовательно, годовой доход с них составил бы 4 миллиона рублей. Но Половцев этот умудрился сделать так, что, в конце концов, когда он в прошлом году умер, то наследникам его осталось самое ограниченное состояние, т. е. состояние в несколько миллионов рублей, скажем — в 3–4 миллиона рублей, а все остальное было уничтожено. Говорю „уничтожено“, а не проедено, потому что, хотя он жил широко, но все-таки совсем не настолько широко, чтобы можно было прожить такое громадное состояние. Все время он занимался различными аферами: продавал, покупал, спекулировал и доспекулировался до того, что почти все состояние своей жены проспекулировал».

После революции 1917 года многие члены семьи Штиглицев — Половцовых эмигрировали. Однажды барон Александр Штиглиц сказал: «Отец мой и я нажили свое состояние в России. Если страна окажется несостоятельной, то и я готов потерять вместе с нею свое состояние» ●